ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

الله من اجل كلامك ايها القديس * || تهللوا يا مومنين[1] من اجل المبارك حبيب
المسيح القديس تكلاهـ * يسوع المسيح الهنا كلمت[2] الاب اعطانا الخلاص منجل
القديس تكلا * حسنًا ايها الصديق محب المسيح ارشدت الامم ايها القديس
تكلاهيمانوت * || شعب المومنين يمدحوك جيدًا يا كامل فى العفة ايها القديس 163
تكلا * فليجتمعوا كل المسيحيين و يعيدوا الان للقدّيس تكلاهيمانوت * اسمعنا
و ارحمنا يا الله الاب ترانى علينا منجل القديس تكلاهيمانوت * || ارتفعت جدًا
فى وسط القديسين يا ابن سيخازاب القديس تكلاهيمانوت * عظيمة هى كرامتك
منجل البتولية ايها الغالب القديس تكلاهيمانوت * الذى اظهر لنا اسمك نجيه[3]
من الشيطان و اشفع فيه امام المسيح و هو عبدك || سليمان * افرحوا ايها المومنين[4] 164
فى هذا العيد الذى للصديق القديس تكلاهيمانوت * باركنا يارب و اغفر لنا من
اجل المبارك القديس تكلاهيمانوت * تفسير اسمك فى افواه المومنين تكلاهيمانوت
اعنى[5] فردوس الايمان * و ايضًا الكهنة || و الشمامسة تجّهم من اجل السيد
القديس تكلاهيمانوت * الله محب البشر ايها الصالح اغفر لنا و لساير المسيحيين *
السلام للصديق السلام للشهيد بغير سفك دم تكلاهيمانوت * نيح انفس الرقود فى
|| الفردوس من اجل الصديق البار تكلاهيمانوت * يا مخلص و سيدى انا عبدك يوسف 165
اغفر لى من اجل الست السيدة *

И. Крачковскій.

СПБ. Іюнь 1907 г.

Миддендорфъ и его якутскіе тексты[6].

Русскій естествоиспытатель Александръ Ѳеодоровичъ Миддендорфъ, совершившій въ началѣ 50-хъ гг. мин. столѣтія путешествіе въ Сибирь и, между прочимъ, на крайній ся сѣверо-востокъ — въ Якутскую область,

---

1) مومنين = класс. مومنون.
2) كلمت = классич. начертанію كلمة.
3) نجيه = классич. начертанію نجه.
4) المومنين = классич. المومنون.
5) [اعنى] Скорѣе можно было бы ожидать يعنى. Очевидно, выраженіе настолько уже окаменѣло, что совершенно утратило глагольный характеръ.
6) Докладъ, читанный 22 марта 1907 г. въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

собралъ обширнѣйшій матеріалъ по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія и сельскаго хозяйства, равно и по этнографіи племенъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Матеріалъ этотъ былъ обработанъ разными авторами и отчасти самимъ Миддендорфомъ. Отдѣлъ VI второй части «Путешествія на сѣверъ и востокъ Сибири» (Спб. 1878), составляющій окончаніе всего сочиненія, посвященъ кореннымъ жителямъ Сибири, въ томъ числѣ и якутамъ (стр. 758 — 833).

Можно безъ преувеличенія сказать, что именно Миддендорфъ положилъ начало основательному изученію быта якутовъ, и не даромъ г. Сѣрошевскій своихъ «Якутовъ» посвятилъ памяти А. Ѳ. Миддендорфа, еще при жизни послѣдняго заручившись его на то согласіемъ. «Самую существенную помощь и самыя цѣнныя указанія я нашелъ—говоритъ г. Сѣрошевскій въ предисловіи къ своей книгѣ—въ трудахъ высокоуважаемаго, покойнаго А. Ѳ. Миддендорфа. Еще въ Якутской области я съ пользой слѣдовалъ его указаніямъ, привыкъ имъ вѣрить и удивляться». Къ сожалѣнію, научная цѣнность обширнаго труда г. Сѣрошевскаго не соотвѣтствуетъ высокимъ заслугамъ путешественника, памяти котораго трудъ этотъ посвященъ. Чтобы быть достойнымъ имени Миддендорфа, изслѣдованіе г. Сѣрошевскаго должно быть заново переработано и во многихъ своихъ частяхъ исправлено болѣе компетентными, чѣмъ г. Сѣрошевскій, лицами, дабы не попадались въ немъ такія чудовищныя ошибки, какъ, напр., отнесеніе китовъ къ морскимъ рыбамъ (стр. 122). А такихъ «китовъ» въ книгѣ — масса.

Ровно половина замѣтокъ Миддендорфа о якутахъ (стр. 789—826) отведена якутскому языку и якутскому фольклору, причемъ сообщены записанные Миддендорфомъ по-якутски тексты «рѣчей», пѣсенъ и начала одной сказки. По поводу этой именно части матеріаловъ Миддендорфа, т.-е. якутскихъ текстовъ, я и хочу высказать въ настоящемъ сообщеніи нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ цѣлью показать неутраченное и до сихъ поръ значеніе текстовъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Значеніе текстовъ Миддендорфа въ лингвистическомъ отношеніи достаточно высоко оцѣнено акад. Бетлингомъ во введеніи къ его замѣчательному труду: Ueber die Sprache der Jakuten, вошедшему составною частью въ 3-ій томъ нѣмецкаго изданія «Путешествія» Миддендорфа.

«Рукописные матеріалы Миддендорфа — говоритъ Бетлингъ — состоящіе изъ реестра словъ, изъ пѣсенъ, разговоровъ, сказокъ, изреченій и очерка грамматики, вполнѣ заслуживаютъ нашего удивленія, если примемъ въ соображеніе краткость времени, какое могъ посвящать лингвисти-

ческимъ изысканіямъ нашъ отважный, ловкій и ученый путешественникъ. Если, по правдѣ, надобно сознаться, что съ одними этими матеріалами я не могъ бы соорудить прочнаго грамматическаго зданія, то съ другой стороны безъ преувеличенія можно сказать, что матеріалы Миддендорфа значительно облегчили мнѣ трудъ изученія языка и не разъ наводили на грамматическія формы, которыя безъ того, можетъ быть, ускользнули бы отъ моего вниманія. Къ тому же рѣшительно можно сказать, что безъ Миддендорфа мои занятія не приняли бы теперешняго направленія и не явилось бы настоящаго сочиненія» (цитаты вездѣ дѣлаю по переводу, помѣщенному въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ т. I, вып. 4, 1853 г., подъ заглавіемъ: «О языкѣ якутовъ. Опытъ изслѣдованія отдѣльнаго языка въ связи съ современнымъ состояніемъ всеобщаго языкознанія»; см. стр. 439 — 440).

Тѣмъ не менѣе, въ свое изслѣдованіе Бетлингъ не внесъ почти ничего изъ якутскихъ текстовъ Миддендорфа, объясняя это тѣмъ, что въ матеріалахъ его онъ «часто встрѣчалъ перерывы, а иногда былъ даже не въ состояніи понять отдѣльныхъ словъ». Бетлингъ признаетъ, что, съ одной стороны, трудно избѣжать перерывовъ «слѣдя на бумагѣ за быстротой живой рѣчи», а съ другой — пониманіе имъ текста могли затруднять «рѣдкія или даже вовсе вышедшія изъ употребленія слова, которыя, можетъ быть, и переданы не совсѣмъ вѣрно» (стр. 440); главной же помѣхой — прибавлю отъ себя — было незнакомство Бетлинга съ якутскими пѣсенными и сказочными оборотами. Въ виду этого Бетлингъ ограничился лишь сообщеніемъ, въ переложеніи на свое правописаніе, записанной Миддендорфомъ пѣсни съ аллитераціей и нѣсколькихъ краткихъ изреченій съ единственной цѣлью ознакомить читателя съ правописаніемъ Миддендорфа.

Такимъ образомъ, якутскіе тексты Миддендорфа, несмотря на протекшіе 60 лѣтъ со времени ихъ поступленія въ распоряженіе ученаго лингвиста, представляютъ собою всю прелесть новизны.

Разсмотримъ же, что новаго могутъ дать лингвисту эти тексты послѣ использованія ихъ Бетлингомъ для своихъ цѣлей. По словамъ самого Миддендорфа, онъ руководился, при напечатаніи своихъ текстовъ, тою мыслью, что «всякій отрывочекъ древняго и недревняго міра, который, можетъ быть, отыщется въ такой рѣчи или въ такой пѣснѣ, можетъ итти въ параллель несмѣшанной первобытной формы якутскаго черепа, которую я старался выяснить. Въ этомъ отношеніи, полагаю я, лингвистамъ всякій отрывокъ, какъ бы искаженъ онъ ни былъ, долженъ быть такъ же дорогъ, какъ зоологамъ иное совершенно попорченное чучело, а палеонтологамъ

какой-нибудь кусочекъ кости или раковины, какъ бы онъ ни былъ поврежденъ» (стр. 793).

Нѣтъ ничего болѣе справедливаго, чѣмъ приведенныя слова, и тексты Миддендорфа служатъ самымъ наглядпымъ подтвержденіемъ справедливости высказаннаго имъ мнѣнія. Такъ, занимаясь якутскимъ языкомъ въ теченіе 25 лѣтъ, за которые, казалось бы, можно было исчерпать весь запасъ сдѣланныхъ Миддендорфомъ наблюденій, я долженъ признаться, что нынѣ, при детальномъ разсмотрѣніи его текстовъ, я нашелъ въ нихъ въ высшей степени цѣнный для меня лингвистическій матеріалъ Именно я встрѣтилъ: 1) новыя, до сего незарегистрованныя мною слова, 2) новыя значенія ранѣе зарегистрованныхъ словъ, 3) указанія на другое, не подмѣченное ранѣе произношеніе извѣстныхъ словъ, вызываемое замѣною одпихъ гласныхъ или согласныхъ другими или смягченіемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, 4) подтвержденіе многихъ моихъ догадокъ и, наконецъ, 5) разрѣшеніе нѣкоторыхъ сомнѣній. Я не стану утомлять читателей подробнымъ перечисленіемъ всего того, что дали мнѣ тексты Миддендорфа по указаннымъ пяти рубрикамъ. Вмѣсто этого я ознакомлю ихъ съ содержаніемъ одной изъ записанныхъ Миддендорфомъ хороводныхъ пѣсенъ, на которой попутно укажу, что далъ мнѣ, составителю якутскаго словаря, Миддендорфъ послѣ того, какъ, казалось бы, онъ уже исчерпанъ Бетлингомъ. Между прочимъ, долженъ замѣтить, что къ штудированію Миддендорфа я не приступалъ долго именно потому, что не надѣялся найти для себя что-либо новое, чего бы не подмѣтилъ такой внимательный изслѣдователь, какъ Бетлингъ.

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подлинныхъ текстовъ Миддендорфа, и таковыхъ не оказалось и въ Азіатскомъ музеѣ. Г-нъ Ф. Розенбергъ предполагаетъ, что если вообще существуютъ рукописи Миддендорфа, то «скорѣе всего въ фамильномъ архивѣ въ имѣніи Миддендорфовъ въ Эстляндской губерніи» (письмо отъ 24 января сего года). Подлинные тексты могли бы помочь правильному толкованію произношенія того или другого слова, такъ какъ Миддендорфъ, передавъ въ своемъ дневникѣ якутскія слова посредствомъ смѣси русскихъ и латинскихъ буквъ, потомъ передѣлалъ русскую часть буквъ на латинскія и въ то же время высказалъ опасеніе, что отъ неудачнаго примѣненія русскихъ *ю* и *я* «кое-гдѣ могло произойти неправильное толкованіе произношенія» (стр. 794).

Что прежде всего поражаетъ въ избранномъ мною отрывкѣ, это — строго выдержанная аллитерація словъ, составляющая непремѣнную принадлежность не только пѣсенъ, но также и сказокъ, заклинаній, загадокъ, поговорокъ; здѣсь аллитерація отличается бо́льшимъ разнообразіемъ и бла-

гозвучіемъ, чѣмъ въ отрывкѣ, приводимомъ Бетлингомъ въ его грамматикѣ (§ 231).

Вотъ якутскій текстъ транскрибированной мною пѣсни.

Хороводная хоровая пѣсня, которая поется особенно въ кумысный праздникъ.

Äгäі, чä, ду! Чäl бурāн, чäl кӯōх!
Саңа цыл салалыппа,
Ӯтӯö цыл öңöідö,
Унāр куǯāс оінјуота,
Кӯдäн куǯāс (кöрӯlāтä),
Сіäрäі сäбірдäх сіllärіlāтä (сіlі-
rіlāmä),
Мотуок солко (шолко) мучукта
муңутāта,
Томтор сір (ото) торолуіда,
Бäттіäмä бäргāтä,
Кырдал сір ото кыттыста!
Äргä цыл äпкäідä,
Модун цыл бохтōто!
Кӯр бӯс кöтöҕӯlӯннä,
Кӯрцӯк хāр кöтӯрӯlӯннä!
Хара мӯс хампарыіда,
Халҕаса буолла, хаіданна;
Кысыл мӯс кырбастанна,
Кыцымах буолла, кыіданна!
Хотōл сір ото хојунна!
Оінӯр уочарат,
Кöрӯlӯр кölӯöнä!...
Улāн уігута,
Кäрä кäсīтä,
Сāмал кымыс...
Ӯс курдӯлāх моңол дјіä ӯс дулҕалāх,
Тӯöрт уон (туосунан) тӯгāхтāх,
Отут туосунан ортолōх,
Сӯрбä (туосунан) тöбölōх,
Уон (туосунан) урāлāх,
Ӯс ӯöläстāх,
Јäрäкäнпāх дјіällāх,
Дјарҕалāх дјапталлāх,
Усуордāх ороннōх,
Äріäн ічіräннāх...
Сатӯ далбарын тардан,
Āс тälrāн,
Бар цону асатан,
Араҕас чäчірін анјан,
Аǯах тутан,
Чорōн тосујан,
Бälкäі тутан,
Тоҕус (уон) кулугулāх сäläтін тīрäн,
Туорāх кулунун тутан,
Кöҕӯöрӯн олордон,
Кöҕölчöр біäтін ӯrӯн кöінјöрöн,
Кöмӯöl ӯтунан кöмӯöllāн,
Ӯтӯнäн оңорон,
Ысыах тутан,
Бар јонун асатан,
Сірі ісіт сіäттісäн,
Сіällāх аǯаҕын аǯӯга тутан,
Чороҕонун таңараҕа тосујан...
Кäҕä кäксіäтä,
Öтöн ӯöттä,
Тојон чоргуіда,
Кураҕаччы кујāрда,
Кӯöрäҕäі кölчӯідä,
Далбараі даіда,
Туруја нјондоідо,
Хāс ханӯласта,
Кыталык кыттыста,
Äріäн хотоҕоідōх äргіідä,
Дабыдаллāх салалынна,
Холбоҕоі куорсуннāх холбосто,

Ӱӧрбӓ көӈӱллӑх ӱӧрдӱстӓ,
Оӈочо кутуруктӑх ороӈосто,
Сіӓллӑх сыламнӓта...
Сібіктӓ сірдӑх,
Учуор (узуор) хонӯлӑх,
Омпуона оттӧх,
Сіӓгілӑх сіӓбӓлӓс мастӑх,
Болбукта тумуллӑх,
Харыја халӣајылӑх,
Оӈуруо чаідӑх,
Бурдук кумахтӑх
Өрӱс ӓбӓм хонӯтугар
Оінӯр уочарат,
Ӓтӑр ібірӑт,
Саӈарар чӑстыја!...
Бар тыа басӑрдӑх,
Куруӈ тыа гуораттӑх,
Ӯлӑх улуксалӑх,
Дулӈа тојоннӧх,
Кіргіл кінӑстӑх,
Чӑрда чарчӹналӑх,
Кукӑкы кулубалӑх,

Ӓбӓн-сабан ӓтӓн ісіӈ!
Сылајымаӈ, саӈаран ісіӈ!
Ӓдӑрдӓ ӓргітіӈ,
Сонунна солбујуӈ,
Кырӈаӈасы кытӹтынан,
Оӈонјору уӈуорупан,
Ӓмӑхсіні інјӓнӓн,
Арбаӈастӑӈы анарӑнан.
Ӓдӑрдӓ ӓргітіӈ,
Кусӑктӑӈы куоттарымаӈ,
Устӑннӑӈы бӹтымаӈ,
Сӓліӓччіктӑӈі сітіӈ,
Сӧртӱктӑӈі төлӧрӱтӱмӓӈ,
Ӓлтыстӑӈы ханӹлӑӈ,
Кілбіӓннӑӈі кічӓјіӈ,
Кірдӑӈі кіӓр гыныӈ,
Толбоннӧӈу торутуӈ,
Тордохтӧӈу тутумаӈ,
Хӑмпалӑӈы ханӹлӑӈ,
Хаӈыдахтӑӈы харајымаӈ,
Сінјӓлӑӈі сіӓтіӈ,
Сітілӑӈі сіӓтімӓӈ!

Въ одной приведенной пѣснѣ я нашелъ тринадцать незарегистрованныхъ Бетлингомъ словъ, изъ коихъ только восемь оказались зарегистрованными мною. Въ иныхъ случаяхъ приходится удивляться тому, что Бетлингъ, имѣя подъ руками такого знатока языка, какъ Уваровскій, уроженецъ Якутской области, не могъ добраться до значенія встрѣченныхъ имъ у Миддендорфа словъ и даже установленія наличности такихъ словъ, какъ далбар — берестовая посуда, хотя, съ другой стороны, про разбираемую пѣсню одинъ молодой интеллигентный якутъ выразился, что «въ ней такія слова, какъ будто и не якутскія». И дѣйствительно, нужно констатировать, что теперешняя якутская молодежь, въ особенности учащаяся, почти совершенно не понимаетъ пѣсеннаго и сказочнаго языка. Тѣмъ дороже должны быть для насъ записанные Миддендорфомъ тексты, снабженные подстрочнымъ переводомъ и примѣчаніями, которыхъ, пожалуй, не далъ бы теперь и наиболѣе замѣчательный знатокъ якутской старины, забываемой съ поразительной быстротой.

На долю незарегистрованныхъ Бетлингомъ словъ больше поло-

вины приходится такихъ, которыя взяты изъ русскаго языка, напр.: жилетъ, сюртукъ, мотокъ, колѣно (часть, звено), обрядъ, участіе, сѣрый. Можетъ быть, Бетлингъ умышленно не заносилъ ихъ въ свой реестръ, дабы не уснащать свой словарь черезчуръ большимъ количествомъ русскихъ словъ. Но, въ такомъ случаѣ, нужно было бы отказаться отъ занесенія очень многихъ словъ, которыя мы находимъ, однако, въ словарѣ Бетлинга, въ родѣ балатка (палатка), орохоспо (рождество) и т. д., ибо эти слова отнюдь не имѣютъ больше правъ на вниманіе, чѣмъ перечисленныя выше и Бетлингомъ пропущенныя. При составленіи словаря я руководился правиломъ такого рода: заносить всѣ слова, которыя получили право гражданства въ разговорномъ якутскомъ языкѣ, т.-е. относительно которыхъ сами якуты увѣрены, что они якутскаго происхожденія, а не русскаго, и которыя встрѣчаются въ образцахъ народнаго творчества якутовъ, какъ въ данномъ случаѣ—въ пѣснѣ Миддендорфа. Возможно полная регистрація русскихъ словъ необходима, во-первыхъ, въ силу того, что очень многія изъ нихъ исковерканы до неузнаваемости, такъ что часто трудно бываетъ догадаться о ихъ происхожденіи и не всякому это подъ силу (иной разъ только благодаря случайности удается натолкнуться на разгадку происхожденія якутскаго слова отъ русскаго, напр. оцунāс — одинецъ, баібары—фалбора, äрісіäп—резонъ и т. д.); во-вторыхъ, потому, что заимствованное слово всегда получаетъ въ воспринявшемъ его языкѣ какой-нибудь новый оттѣнокъ и почти никогда не бываетъ тождественно по значенію со своимъ первообразомъ; въ-третьихъ, количество заимствованныхъ словъ служитъ показателемъ, съ одной стороны, многообразнаго вліянія чужой культуры, а съ другой — степени воспріимчивости народа, прибѣгающаго къ усвоенію чуждыхъ ему дотолѣ словъ и связанныхъ съ ними понятій.

Если къ сказанному выше прибавить, что въ моемъ словарѣ многія слова, взятыя изъ Бетлинга, до сихъ поръ стоятъ совершенно одиноко (напр., чāрда — дроздъ), будучи встрѣчены имъ и мною только въ текстахъ Миддендорфа, то значеніе ихъ съ этой стороны становится внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ слова эти остались бы, можетъ-быть, совершенно утраченными для науки.

Нѣкоторыя пѣсенныя выраженія даютъ возможность опровергнуть сдѣланныя другими изслѣдователями наблюденія. Такъ, напр., выраженіе омнуона оттōх (мѣсто, поросшее особымъ родомъ хвоща), стоящее въ пѣснѣ на ряду съ названіемъ другого рода хвоща (сīбіктä), несомнѣнно очень питательнаго и любимаго коннымъ скотомъ, даетъ возможность признать справедливость утвержденія Уваровскаго, что трава омнуона охотно поѣдается

скотомъ,—жаль только, что не сказано—какимъ, ибо у А. Павловскаго въ его «Замѣткахъ о Вилюйскомъ краѣ», напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ., 1873, т. IV, № 2, сказано, будто опытные путешественники не совѣтуютъ кормить травой омнуона лошадей, «увѣряя, что отъ нея пухнетъ у нихъ брюхо и даже образуется между ними нѣчто въ родѣ повальной болѣзни».

Изъ новыхъ значеній, не показанныхъ Бетлингомъ, укажу на значеніе слова дулҕа (кочка). Въ пѣснѣ, при описаніи большой берестяной юрты, говорится, что она ӱс дулҕалāх (трижды подпертая), то-есть, какъ это видно изъ примѣчаній Миддендорфа, о трехъ длинныхъ стойкахъ, съ установки которыхъ начинается устройство конусообразной урасы; въ дѣйствительности, такихъ стоекъ или главныхъ жердей въ урасѣ бываетъ четыре, и здѣсь показано три, можетъ-быть, въ соотвѣтствіе требованію аллитераціи въ ниже слѣдующемъ выраженіи ӱс ӱӧläстāх (о трехъ дымовыхъ отверстіяхъ); ясно, что при четырехъ жердяхъ нужно было бы сказать: тӱӧрт ӱӧläстāх, что, конечно, не дало бы столь любимой якутами аллитераціи, ради которой они готовы поступиться даже точностью выраженія, въ другихъ случаяхъ ими строго соблюдаемой. Затѣмъ, Бетлингомъ совершенно упущено изъ виду совмѣстное употребленіе двухъ глаголовъ: ăп (прибавлять) и сап (покрывать), которые у него приводятся въ словарѣ каждый на своемъ мѣстѣ порознь, а не въ соединеніи другъ съ другомъ. Такихъ сочетаній какъ въ глаголахъ, такъ и именахъ въ якутскомъ языкѣ очень много, и они не безызвѣстны были и Бетлингу, напр.: бураі-сараі, аімā-саімā. Часто послѣдующія слова ровно ничего не обозначаютъ, представляя собою аллитерацію предыдущаго слова, или имѣютъ тождественное значеніе. Упомянутое выше ăп-сап не принадлежитъ къ категоріи сочетаній послѣдняго рода, ибо каждое изъ составныхъ словъ здѣсь имѣетъ свое самостоятельное значеніе, вмѣстѣ же они означаютъ то же, что и одно ăп, то есть прибавлять, присоединять. На основаніи записей Миддендорфа, Бетлингомъ слово бурāн передано черезъ Hügel (бугоръ, холмъ) и совершенно опущено данное этому слову въ разбираемой пѣснѣ значеніе: большой лугъ на сухомъ мѣстѣ (русск. изд.) или мѣсто, поросшее травою (нѣм. изд.). Долженъ признать, что въ послѣднемъ значеніи слово это мнѣ до сихъ поръ не встрѣчалось; напротивъ, всѣ видоизмѣненія слова (быраān, мыраān, мураān) зарегистрованы мною въ значеніи холмъ, гора, сопка, и пѣсенное выраженіе чāl бураān, скорѣе всего, должно обозначать не сочный лугъ, какъ у Миддендорфа, а высокое мѣсто, поросшее сочною травою (первая зелень появляется на высокихъ, холмистыхъ мѣстахъ). Тѣмъ не менѣе, я не рискну обойти молчаніемъ приведенное Миддендорфомъ зна-

ченіе: кто знаетъ, — быть можетъ, тамъ, гдѣ эта пѣсня записана, слово бурāн и употребляется въ указанномъ значеніи. То же и со словомъ тӧгӱӱ — пѣсня, мною до сего встрѣченнымъ только у Маака (Вилюйскій округъ Якут. обл. СПб. 1883—1887), который, вѣроятно, самъ позаимствовалъ это слово у Миддендорфа. При моихъ занятіяхъ языкомъ, мнѣ часто, черезъ много лѣтъ, приходилось встрѣчать подтвержденіе самыхъ сомнительныхъ, казалось бы, на первый взглядъ, значеній. Кстати, нельзя не пожалѣть, что точнаго указанія мѣстности, въ которой записаны Миддендорфомъ его образцы, въ самомъ сочиненіи не имѣется.

Кромѣ указанныхъ пропусковъ, у Бетлинга мы не находимъ такихъ словъ, какъ ымыjах, мäкāрсін, хорун — названія питательно-съѣдобныхъ корней, перечисленныя на стр. 786 сочиненія Миддендорфа; изъ числа этихъ корней удостоились регистраціи лишь унцула или кӱӧl аса да быта— вѣроятно, потому только, что они были знакомы Уваровскому, а другіе— нѣтъ. Такая осторожность Бетлинга въ дѣлѣ использованія матеріаловъ Миддендорфа имѣетъ свою хорошую сторону, давая только вполнѣ провѣренный матеріалъ (относительно, конечно), но за то липаетъ людей, пользующихся его словаремъ, уже давно добытыхъ свѣдѣній, заставляя открывать новыя Америки.

Слышанные Миддендорфомъ звуки в, з, ш Бетлингъ не внесъ въ якутскій алфавитъ, отнесшись къ указаніямъ Миддендорфа отрицательно; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ приводимыхъ во введеніи къ грамматикѣ изреченіяхъ слово Давыкыт, наприм., Бетлингъ пишетъ по своему — Дабыкыт (стр. 441). Бетлингъ зналъ одно произношеніе Уваровскаго и невольно подчинился авторитету послѣдняго, какъ живого и очень толковаго источника якутскаго языка. Самъ Миддендорфъ очень остроумно и классически красиво говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Ученый другъ мой позволитъ мнѣ высказать предположеніе, что въ его превосходномъ трудѣ якутскій языкъ легче поддался подъ иго замѣчательно искусно открытой лингвистомъ законной правильности, чѣмъ это дѣлается въ первобытномъ лѣсу. Какъ строитель новаго зданія среди языка первобытной природы, онъ, конечно, не могъ не отнестись нѣсколько самодержавно къ правиламъ, которыя умъ его извлекъ изъ глубины необработаннаго языка» (стр. 794).

Въ избранной мною пѣснѣ я встрѣчаю два заимствованныхъ изъ русскаго языка слова въ двоякихъ начертаніяхъ: 1) солко и шолко—шелкъ и 2) узуор и учуор — узоръ. Я давно уже ввелъ въ своемъ словарѣ знаки в и ш, какъ, напр., въ словахъ Прāва (Управа), вы̄бар (выборъ), шолко и шолку, муора бы̄шыта (морось), къ чему меня вынудило частое и притомъ

слишкомъ явственное употребленіе звуковъ в и ш якутами обоего пола, нисколько не обрусѣвшими. Полагаю, что можно, съ полнымъ правомъ, ввести въ алфавитъ якутскій и звукъ з, на употребленіе коего я не обратилъ должнаго вниманія, но наличности коего отрицать не могу въ такомъ, по крайней мѣрѣ, словѣ, какъ узуор, узуордāх. Найдутся, вѣроятно, еще и другія слова, заимствованныя изъ русскаго языка, въ которыхъ звукъ з, до сего совершенно чуждый якутскому языку, остается въ немъ безъ измѣненія.

Что касается указаній на новое, не подмѣченное ранѣе произношеніе извѣстныхъ словъ, вызываемое замѣною однихъ гласныхъ или согласныхъ другими или смягченіемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, то здѣсь указаній этихъ мы имѣемъ непочатый уголъ, напр.: äсällар вм. iсälläр, äljälläр вм. iljälläр и пр. На текстахъ Миддендорфа вполнѣ подтверждается установленная моимъ сотрудникомъ по собиранію якутскаго словарнаго матеріала В. М. Іоновымъ наличность мульированныхъ звуковъ д, l, н. Въ примѣръ приведу слова: дjiä вм. ҷiä (домъ), дjiäl вм. ҷiäl (дверь), дjаптал вм. ҷаптал, äljäбiн вм. älҷäбiн, хаljаjы вм. халҷаjы, анjан вм. аннан, оiнjуо вм. оiнуо. Кромѣ того, Миддендорфомъ подмѣчена замѣна звука ҷ звукомъ j въ словахъ ҷäрäкāн = jäрäкāн, кырҷаҕас = кырjаҕас, ҷол = jол; Бетлингомъ такая замѣна допущена, кажется, въ видѣ исключенія для слова ҷахтар, которое зарегистровано и какъ jахтар. Это явленіе не представляетъ для меня чего-либо новаго; ново для меня здѣсь свидѣтельство Миддендорфа о двоякомъ произношеніи именно данныхъ словъ, такъ какъ о такомъ ихъ произношеніи у меня имѣлись лишь мои собственныя догадки и предположенія, основанныя на аналогіи и на способѣ начертанія этихъ словъ Порядинымъ и другими (между прочимъ, якутами Дюпсюнскаго улуса, собиравшими загадки и пословицы для С. В. Ястремскаго). Но здѣсь я долженъ высказать сдѣланное мною самимъ наблюденіе, которое, конечно, требуетъ подтвержденія со стороны болѣе компетентныхъ лицъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ j замѣняетъ ҷ, въ дѣйствительности слышится дj, а не чистый j; по крайней мѣрѣ, я вызывалъ у нѣкоторыхъ якутовъ улыбку и даже смѣхъ, когда я явственно произносилъ яхтар вм. ҷахтар; меня поправляли, причемъ произносили это слово опять-таки такъ, что мой несовершенный слухъ не могъ уловить никакой разницы между произношеніемъ якута и моимъ, и только изъ того, что якуты оставались, повидимому, удовлетворенными, когда я произносилъ дjахтар, причемъ д едва-едва слышится (т.-е. когда кончикъ языка едва-едва касается нёба), я заключаю, что послѣдній способъ произношенія есть именно тотъ, который такъ несовершенно изображается на письмѣ. Къ моему удоволь-

ствію, употребленное Миддендорфомъ въ изреченіяхъ начертаніе ыаlдјар вм. ыаlјар является нѣкоторымъ подтвержденіемъ моего наблюденія.

Наконецъ, въ текстахъ Миддендорфа вообще и въ приведенной здѣсь пѣснѣ въ частности имѣется подтвержденіе наличности не подмѣченной Бетлингомъ, но уловленной мною и моимъ сотрудникомъ Іоновымъ долготы во многихъ якутскихъ словахъ (куӟāс, сāмал), замѣны звука ҕ звукомъ ӊ (оҕонјор и оӊонјор), выпаденія звука р (ічігäн вм. ірчігäн; ср. аlӊахаі вм. аlӊархаі), перехода звука с въ ч (учуор вм. усуор; ср. ачас вм. асас).

Вотъ какой матеріалъ содержится въ текстахъ Миддендорфа, поскольку его качество можетъ отразиться на небольшомъ отрывкѣ. Несомнѣнно, что, «всматриваясь ближе въ собранія словъ и въ Миддендорфовы бумаги», какъ выражается Бетлингъ (стр. 446), мы будемъ въ состояніи обогатить свои познанія въ якутскомъ языкѣ еще многими вѣрно схваченными покойнымъ ученымъ наблюденіями. Въ этомъ отношеніи тексты Миддендорфа могутъ сыграть роль отрывковъ изъ древнихъ классиковъ: чѣмъ больше ихъ изучаешь, тѣмъ больше находишь въ нихъ пищи для своего пытливаго ума.

Вотъ посильный переводъ избранной мною пѣсни. Самъ Миддендорфъ называетъ свой переводъ «чудовищнымъ», но въ его положеніи и нельзя было сдѣлать больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. Достаточно того, что онъ далъ подстрочное объясненіе словъ: это помогаетъ добраться до смысла записаннаго текста, «искаженнаго, какъ подмѣтилъ и Миддендорфъ, тѣмъ, что нѣкоторыя слова слились, а другія не разслышаны, какъ слѣдуетъ». Въ виду такого признанія дешифрированіе текстовъ Миддендорфа является не только необходимостью, но и обязанностью, дабы извлечь изъ-подъ спуда столь цѣнный, но до сихъ поръ мертвый капиталъ. И мнѣ невольно приходитъ на память горькое замѣчаніе Д. А. Клеменца (въ личной бесѣдѣ), что значеніе Миддендорфа, какъ ученаго, еще недостаточно оцѣнено...

ПЕРЕВОДЪ.

Эгяй, ну, ли! Сочно-зеленый холмъ, сочная зелень! Новый годъ наступилъ, добрый годъ выглянулъ, марный зной взыгралъ, мглистый зной разгулялся, сѣрый (березовый) листъ развернулся, шелковистая хвоя зазеленѣла, круглое высокое мѣсто выросло, метелица стала больше, трава на возвышенной полосѣ скучилась! Старый годъ ушелъ (удалился), холодный годъ отсталъ! Множество льда поднялось, надворныя снѣжныя кучи разру-

шились! Черный ледъ разломился, превратился въ тóросы (ледяныя горы), разсѣлся; красный ледъ на кусочки распался, превратился въ шугу, унесенъ! Трава въ ложбинѣ погустѣла! Очередь игръ, пора веселья!... Обиліе отъ сѣрой (кобылицы), гостинецъ отъ саврасой, первый весенній кумысъ!... Трижды оноясанная большая ураса [1]), о трехъ главныхъ жердяхъ, о сорока берестовинахъ у основанія, о тридцати — посединѣ, о двадцати — вверху, о десяти — у самой крайней верхушки, о трехъ дымовыхъ отверстіяхъ, съ узорчато вышитою поперекъ дверью, съ полосатою настилкою, съ узористыми спальными лавками, съ пестрыми шнурами для занавѣсокъ... Выставивши низкій кумысный сосудъ, разостлавши бѣлую лошадиную шкуру, накормивши весь людъ, воткнувши желто-зеленыя березки, держа «рты» [2]), вознося кубки, имѣя въ рукахъ бокалы, натянувши веревку съ девятью десятками чекъ (колышковъ), держа на привязи круглыхъ, какъ шишки, жеребятъ, установивши кожаный мѣхъ, заквасивши молоко сивой кобылицы, разбавивши водою отъ послѣдняго весенняго льда, сдобривши молокомъ, устроивши ысыах (кумысный праздникъ), весь людъ накормивши, взявшись за кожаный чанъ, направивъ къ создателю обвязанный гривою «ротъ», вознесши къ небу небольшой бокалъ [дѣйствуйте]!... Кукушка закуковала, горлица заворковала, орелъ заклекталъ, куликъ закуликалъ, жаворонокъ сталъ дѣлать трели, слетокъ слетѣлъ съ гнѣзда, журавль вытянулся вверхъ, гуси соединились попарно, стерхи собрались вмѣстѣ, у кого пестрыя маховыя перья—тѣ возвратились, предплечистыя вернулись, у кого дугообразныя перья—тѣ столпились... У кого чубы тычинами — стали въ кучу (стадомъ), у кого хвосты кормою — идутъ гуськомъ, гривистые стали нѣжиться на солнцѣ... Въ долинѣ бабушки рѣки (Лены) съ узорчатымъ, сплошь поросшимъ чибиксеемъ [3]), полемъ, съ травою омпуона (хвощъ), съ твердымъ жимолость-деревомъ, съ мысами, по которымъ стелется кедровый сланецъ, съ обращенными къ югу склонами, поросшими елью, съ хрящомъ какъ бусы, съ пескомъ какъ хлѣбныя зерна—въ такой долинѣ настала очередь игръ, обрядъ рѣчей, участіе въ разговорахъ... Тѣ, для кого базаромъ служитъ густой лѣсъ, городомъ — сухой лѣсъ, улицею — вода, чиновникомъ (господиномъ)—кочка, княземъ—дятелъ, старшиною—дроздъ, головою — ронжа, — всѣ подробную рѣчь заведите! безъ устали продолжайте издавать звуки! Верните молодость, замѣстите (старое) новымъ, (обойдите) старѣйшаго краемъ, старика—другою стороною, старуху—вотъ

1) Коническій шалашъ изъ жердей, покрытый берестою.
2) Т.-е. большіе кумысные кубки.
3) Видъ кормоваго хвоща.

этою, носящихъ ветхую даху — противоположною!... Верните молодость, не упускайте носящихъ кушаки, не отпускайте тѣхъ, что въ штанахъ, догоните тѣхъ, что въ жилеткахъ, не давайте отдѣлиться одѣтымъ въ сюртуки, соединяйте въ пары повязанныхъ галстуками! Позаботьтесь о блестящихъ, грязныхъ удалите прочь, веснущатыхъ остановите, закоптѣлыхъ не удерживайте! Соединяйте въ пары одѣтыхъ въ канфу, а людей въ поношенной одеждѣ не презирайте! Ведите тѣхъ, у кого одежда вышита оленьимъ волосомъ, подпоясанныхъ же кушаками изъ конскаго волоса не ведите!

«Особенную важность — говоритъ Миддендорфъ — я придаю этнологическому значенію записаннаго мною текста и возвращаюсь къ нему тѣмъ болѣе, что очень часто, когда я начиналъ догадываться, что въ рѣчахъ, говорившихся по разнымъ случаямъ, то или другое выраженіе слишкомъ уклоняется отъ обыденной рѣчи, и затѣмъ обращался съ распросами къ моимъ наставникамъ, послѣдніе мнѣ отвѣчали: «вѣдь это такъ слѣдуетъ; это именно такъ-то и прекрасно: это изстари такъ нужно». Притомъ такія рѣчи вовсе не были вполнѣ понятны остальнымъ якутамъ»... (стр. 792).

Если послѣднее замѣчаніе вѣрно относительно якутовъ первой половины минувшаго столѣтія, то оно еще съ большимъ основаніемъ можетъ быть сдѣлано въ отношеніи современныхъ якутовъ. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать даже отъ очень толковыхъ якутовъ, въ отвѣтъ на мою просьбу объяснить мнѣ то или другое слово, то или другое выраженіе въ пѣснѣ или въ богатырской сказкѣ, — неизмѣнное: «такъ говорятъ въ пѣсняхъ», «такъ говорятъ въ сказкахъ», — и большаго я не могъ добиться, приходя часто въ отчаяніе отъ неуспѣшности своихъ попытокъ добраться до смысла какой-либо фразы.

«На распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ — продолжаетъ Миддендорфъ — которые упоминались въ разговорѣ и названія которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны, объясняли, что такъ это было нѣкогда. Такимъ образомъ — въ этомъ я убѣждался постоянно — въ обычаяхъ и въ языкѣ якутовъ было много стариннаго, преемственнаго, чего народъ уже въ точности не понималъ. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и передо мною являлись только обломки развалинъ давно забытаго ученія» (l. c.).

Въ частности, по поводу пѣсни, которая поется въ кумысный праздникъ и переводъ которой мною только-что былъ данъ, Миддендорфъ замѣчаетъ, что «чѣмъ болѣе кумысный праздникъ якутовъ, единственно имъ свойственный, отличается отъ всѣхъ обычаевъ тунгусовъ, самоѣдовъ и

остяковъ, тѣмъ болѣе хоровое пѣніе ихъ напоминаетъ о подобныхъ обычаяхъ киргизовъ, точно такъ какъ богатырскія сказки такого же рода, какъ якутскія, поются у киргизовъ и татаръ южной Сибири, напр. у минусинскихъ татаръ» (l. c.).

Миддендорфъ путешествовалъ въ то время, когда еще были налицо народные праздники, называемые ысыах, и другіе обычаи, нынѣ совершенно исчезнувшіе. Поэтому его тексты представляютъ собою важные документы, свидѣтельствующіе о недавнемъ бытѣ якутовъ и дающіе возможность сравнить его съ нынѣшнимъ и установить какъ происшедшія за послѣдній періодъ времени уклоненія, такъ и характеръ, направленіе этихъ уклоненій.

Ысыах-и совершенно прекратились и отошли уже въ область преданій, но достаточно еще живыхъ, чтобы по нимъ можно было воспроизвести весь полагавшійся при этомъ ритуалъ. Теперь ысыах-и устраиваются только въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., былъ устроенъ ысыах на моей памяти (во второй половинѣ 80-хъ годовъ мин. столѣтія) въ честь посѣщенія города Якутска генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Игнатьевымъ. Въ 1902 году въ селеніи Чурапча (Ботурусскій улусъ Якутскаго округа) былъ устроенъ ысыах по иниціативѣ и на счетъ В. И. Іохельсона, путешествовавшаго по Якутской области, главнымъ образомъ по сѣверной ея части, по порученію Нью-Іоркскаго Музея. Отъ устройства этого ысыах-а г. Іохельсонъ пожалъ богатые плоды, скупивъ всѣ принадлежности праздника въ видѣ разнаго рода посуды (кожаной, деревянной и берестяной) и другихъ вещей для своей этнографической коллекціи, предназначенной для того же Музея [1]).

Если относительно ысыах-овъ мы еще имѣемъ кое-какія свѣдѣнія въ нашей этнографической литературѣ (Приклонскій, Сѣрошевскій, Трощанскій), то относительно хоровыхъ пѣсенъ не только ысыах-овыхъ, но и поющихся въ другихъ случаяхъ, наши свѣдѣнія не идутъ дальше простого упоминанія о нихъ, текста же хоровой пѣсни мнѣ не приходилось встрѣчать въ печати, и мы теперь впервые знакомимся съ содержаніемъ хоровыхъ пѣсенъ по образцу Миддендорфа, — *впервые* потому, что самая пѣсня никѣмъ еще дешифрирована не была и для перевода не годилась, будучи въ недешифрированномъ видѣ совершенно неудобопереводимою.

Итакъ, въ данной пѣснѣ мы имѣемъ образчикъ пѣсенъ, которыя если и поются, то уже не при такой обстановкѣ, какъ раньше, когда у якутовъ

---

1) См. Kumiss festivals of the Yakut and the decoration of kumiss vessels by Waldemar Jochelson. New-York, 1906. (Reprinted from the *Boas Memorial Volume*).

было много коннаго скота, а, слѣдовательно, и кобыльяго молока для приготовленія кумыса — любимаго напитка, нынѣ замѣненнаго чаемъ. Мнѣ лично, за все время моего пребыванія въ Якутской области, пришлось лишь раза три-четыре быть свидѣтелемъ хоровой пѣсни, которая пѣлась во время такъ называемой пляски, то есть раскачиванія всѣмъ тѣломъ и толканія другъ друга со стороны компаніи подвыпившихъ людей обоего пола, взявшихся за руки и составившихъ замкнутую цѣпь. Къ сожалѣнію, въ моемъ воспоминаніи не сохранилось ни одной пропѣтой хоромъ фразы (я до сихъ поръ плохо понимаю якутскую рѣчь, когда она поется или когда говорится сказочникомъ,—плохо понимаютъ и многіе якуты). Помню только, что кто-нибудь поетъ нѣсколько стиховъ, послѣ чего всѣ, находящіеся въ цѣпи, начинаютъ повторять хоромъ пропѣтые стихи; послѣ хора опять запѣвало поетъ соло дальше, опять хоръ повторяетъ его слова и т. д. Пѣсня бываетъ импровизированною, въ ней дѣйствительно, какъ подмѣтилъ Миддендорфъ, встрѣчаются въ изобиліи старинныя выраженія и формы и основу пѣсни (или рѣчи) дѣйствительно составляютъ изстари употребляющіяся выраженія, но это, по моему мнѣнію, не мѣшаетъ относиться если не «съ уваженіемъ», то, по крайней мѣрѣ, съ удивленіемъ къ замѣчательному ораторскому таланту Якутовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой ораторъ не пользуется готовыми формами и выраженіями? Важно здѣсь умѣнье пользоваться арсеналомъ старинныхъ выраженій и формъ, а въ этомъ якутскимъ ораторамъ, сказочникамъ и пѣвцамъ нельзя отказать. Якуты строго различаютъ хорошаго пѣвца отъ дурного не только по качеству голоса, но и по многообразности удачныхъ выраженій, подбору удачныхъ аллитерацій и эффектныхъ сравненій. Какъ на образецъ замѣчательной въ своемъ родѣ импровизаціи, сошлюсь на записанную И. А. Худяковымъ импровизацію дѣвушки-якутки, — прямо-таки дышущую истинной поэзіей (см. Верхоянскій Сборникъ. Иркутскъ 1890, стр. 10—12).

Якуты вообще отличаются поразительною наблюдательностію. Обратите вниманіе хотя бы на употребленное въ пѣснѣ выраженіе кукāкы кулубалāх (тѣ, у кого головою птица ронжа), на первый взглядъ совершенно непонятное: почему именно ронжѣ вышала высокая честь быть головою? Миддендорфъ намъ объясняетъ, что обыкновенно соединяютъ слова кукāкы кінāстāх (я думаю, что здѣсь у Миддендорфа описка вмѣсто кулубалāх), потому что у ронжи задъ трясется на ходу также, какъ у важничающаго князца (наслежнаго старосты), а изъ князцовъ всегда и выходятъ улусные головы. Это объясненіе Миддендорфа въ высшей степени цѣнно вотъ съ какой стороны: оно указываетъ намъ, что какъ бы для насъ неожиданны или странны ни казались нѣкоторыя выраженія якутовъ,

мы не должны къ нимъ относиться слишкомъ легкомысленно, отказывая имъ въ правѣ на наше вниманіе за отсутствіемъ въ нихъ всякаго смысла; вѣрнѣе предположить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ сами мы, въ силу особаго склада всей нашей психики, бываемъ не въ силахъ стать на мѣсто человѣка съ первобытной психикой, созрѣвшей въ условіяхъ, слишкомъ отличныхъ отъ нашихъ. Многое тутъ зависитъ, конечно, и отъ несовершеннаго нашего знакомства съ бытомъ инородцевъ вообще и якутовъ въ частности.

Подобно тому, какъ лингвистъ найдетъ много для себя цѣннаго въ текстахъ Миддендорфа, точно также и каждый этнографъ, изслѣдующій бытъ сибирскихъ инородцевъ, никоимъ образомъ не долженъ пройти мимо этихъ текстовъ, пока ихъ содержаніе не будетъ признано совершенно исчерпаннымъ. Возьму маленькій примѣръ. Въ хоровой пѣснѣ сказано: саты далбарын тардан, то-есть: притащивши (поставивши) низкій далбар; если о самой посудѣ и есть указанія въ литературѣ, то далеко не вполнѣ опредѣленныя: по Мааку она—берестяная, а по Приклонскому, повидимому, кожаная; для меня же рѣшающимъ голосомъ является свидѣтельство Миддендорфа, который не только называетъ намъ посуду, но и подробно сообщаетъ о способѣ ея изготовленія, что, конечно, должно служить гарантіей вѣрности сообщенія [1]).

Въ заключеніе, обращу вниманіе читателей на допущенный Бетлингомъ недосмотръ въ названіи одной кумысной посуды. Называя черезъ сіаllăх (имѣющій гриву) большой кумысный кубокъ, украшенный у основанія пучкомъ конской гривы, то-есть перенося признакъ предмета на самый предметъ, Бетлингъ напрасно ссылается на Миддендорфа, у котораго въ нашей пѣснѣ данный сосудъ названъ сіаllăх аjах, а не сіаllăх. Этимъ я отнюдь не хочу утверждать, что не бываетъ дѣйствительно случаевъ, когда самый предметъ называется по одному изъ его признаковъ, а просто стою за точность, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось постоянно встрѣчать полностью названіе упомянутаго сосуда: буквально — ротъ съ гривою. По формѣ своей онъ напоминаетъ изображенный недавно въ иллюстрированныхъ журналахъ египетскій сосудъ, въ которомъ хранились сердце и печень фараона Рамзеса II. Видъ иллюстраціи сразу напомнилъ мнѣ якутскіе «рты» и «чорбо'ы»...

Весьма вѣроятно, что при дальнѣйшемъ изученіи текстовъ Милден-

---

1) Впрочемъ, въ числѣ вывезенныхъ В. Н. Васильевымъ для Музея Антропологіи и Этнографіи имени императора Петра Великаго кумысныхъ сосудовъ имѣются далбар-ы двоякаго рода: и кожаные, и берестовые.

дорфа во всемъ ихъ объемѣ этнографъ найдетъ въ нихъ немало другихъ и болѣе замѣчательныхъ наблюденій, на основаніи которыхъ внесетъ необходимыя поправки въ сдѣланные предыдущими изслѣдователями выводы.

Эд. Пекарскій.

О неизданныхъ трудахъ о. Іакинѳа и рукописяхъ проф. Ковалевскаго, хранящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи.

Въ жизнеописаніяхъ о. Іакинѳа (Бичурина) есть, между прочимъ, указанія на то, что послѣ смерти покойнаго синолога остались неизданными рукописныя сочиненія по исторіи и географіи Китая, хранящіяся въ настоящее время въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Интересъ къ трудамъ о. Іакинѳа и желаніе узнать, что именно сдѣлано имъ по исторіи и географіи Китая, побудили меня лѣтомъ текущаго года посѣтить названную библіотеку. Оказалось, что тамъ хранятся восемь неизданныхъ трудовъ о. Іакинѳа, о которыхъ нѣтъ упоминаній въ существующихъ библіографическихъ извѣстіяхъ о его сочиненіяхъ.

Труды эти слѣдующіе:

«Лѣтопись Китайской имперіи, называемая Юй-цхи цзы-чжи тхунъ-цзянь ганъ-му, раздѣленная на три части,—лѣтопись Древнюю, Среднюю и Новѣйшую. Переводъ съ Китайскаго. 1825 г.» T. I—VII, in fol.

Названное сочиненіе есть буквальный переводъ обширнаго китайскаго историческаго компендіума 御批資治通鑑綱目 «Юй-пи цзы чжи тунъ-цзянь ганъ му». Въ рукописи о. Іакинѳа историческое повѣствованіе доводится до 608 года по Р. Хр.

«Землеописаніе Китайской имперіи». T. I—III, in fol.

Содержаніемъ названнаго сочиненія является современная и историческая географія Китая и сопредѣльныхъ ему странъ, а также краткія свѣдѣнія объ европейскихъ государствахъ. Оно представляетъ собою извлеченіе изъ извѣстнаго китайскаго географическаго сочиненія 大清一統志 «Дай-цинъ и тунъ чжи», въ которомъ излагается всеобщая географія Китая, подвластныхъ ему странъ и европейскихъ государствъ. Изъ этой рукописи о. Іакинѳомъ сдѣланы заимствованія, вошедшія въ содержаніе его «Статистическаго описанія Китайской имперіи. СПБ. 1842 г.»

«Географія тринадцати Китайскихъ губерній». T. I, in fol.